

Денис Драгунский

Третье ЛИЦО

Как понять, что это любовь на всю жизнь?
Подождать до завтра.

Денис Драгунский

Третье лицо

Серия «Проза Дениса Драгунского»

Текст предоставлен правообладателем

<https://litres.ru/63410590>

Третье лицо : [рассказы, повести] / Денис Драгунский: АСТ; Москва;

2021

ISBN 978-5-17-133809-1

Аннотация

<p><«Третье лицо» – еще одна коллекция парадоксальных сюжетов от мастера короткой прозы Дениса Драгунского. В начале рассказа невозможно предугадать, что случится дальше и каков будет финал. Посторонний вмешивается в отношения двоих, в научных и финансовых делах всплывает романтический след, хорошие люди из лучших побуждений совершают ужасные поступки... Всё как в жизни, которая после прочтения этой умной и насмешливой книги покажется легче, интереснее и яснее.</p>

Содержание

Теперь уже неважно	4
Звери	14
Наследство	25
Конкуренция	37
Хороших сценариев нет	46
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Денис Драгунский

Третье лицо

Теперь уже неважно

рыцарский роман

Евгений Сергеевич вдруг узнал, что о нем прошел слух как о порядочном человеке. Хотя на самом деле он был, конечно, сволочью. Но не каким-то особым подлецом и гадом, чтоб людей жрал заживо и без соли. Нет, конечно. Он был обыкновенной руководящей сволочью среднего звена, которые встречаются и в администрациях разного рода, и в бизнесе, и в искусстве, и, конечно, в науке – где он и подвизался. Несколько сломанных научных судеб, десятки зарубленных проектов, сотни шлагбаумов на пути молодых карьер, а уж срезанных зарплат и заваленных диссертаций – вообще без счета. Евгений Сергеевич все это о себе прекрасно знал, и тем забавнее было ему услышать от своей секретарши Марго Степановны, что вот, дескать, некая полуиностранная дама – русская, но живет на Западе – в каком-то бурном споре назвала его не только блестящим специалистом, но и глубоко порядочным, благородным человеком. Настоящим рыцарем.

– Кто это, Маргоша? – спросил он, поморщившись.

– Смешная фамилия, – ответила та. – Что-то про уши.

Забыла.

Марго Степановне было уже шестьдесят два года, но Евгений Сергеевич не гнал ее на пенсию, потому что она знала всё-всё-всё. И всех-всех-всех.

– Алоиз подкрался незаметно... – хмыкнул он. – Ничего! У меня та же петрушка. Полминуты не мог вспомнить, как отчество у Павлодарского.

– Перестань! – Она взмахнула рукой. – Сейчас. Что-то такое... То ли Лопухова, то ли Вислоухина.

– Хе! И на лице вселенская скорбь, как у бассета, который конфету кланчит? И ноги такие же?

– Какие? – рассеянно спросила Марго Степановна, не отрывая глаз от компьютера и продолжая щелкать мышью.

– Как у бассета, – объяснил он.

– Нет! – сказала она, подняв на него глаза в тонких очках на толстом носу. – Совсем нет. Очень даже из себя ой.

– Угу, – кивнул Евгений Сергеевич, прошел в свой кабинет, сел за стол, открыл почту и вдруг вспомнил.

* * *

Он вспомнил, как несколько или чуть больше лет назад он, недавно назначенный главным редактором главного профильного журнала, выходил после конференции на теплую и

нарядную июньскую улицу. Выходил из гостиницы – организаторы сняли конференц-зал аж в «Мариотте» на Тверской.

Уже на крыльце, в маленьком портике, мощенном рублевой гранитной плиткой, к нему вдруг подошла незнакомая молодая женщина. Не просто подошла, а заступила ему дорогу.

– Здравствуйте, Евгений Сергеевич! – то ли очень вежливо, то ли, наоборот, слишком просто сказала она.

Он не смог сразу понять, что это – робость или напор. Поэтому буркнул:

– Добрый день. Чем могу?

– Я вас поздравляю, вы ведь теперь наш главный редактор! – сказала она, улыбаясь крупным, чуть подкрашенным ртом, полным белых, матово-блестящих зубов. – А я когда-то ходила к вам на лекции. И на семинаре вы мне пятерку поставили.

– Очень приятно. Простите, позабыл. С кем имею честь?

– Лена Востроухова. Я теперь соискательница у Анциферова.

– Остроухова? – переспросил Евгений Сергеевич.

– Во! – поправила она. – *Востроухова*. «Держи ухо востро!»

– Серьезное начало! – совершенно серьезно сказал он, внутренне усмехнулся и быстро оглядел ее с головы до ног.

Она была очень хороша. Большеглазая, с красивым носом, высокими бровями. Крупная, коротко стриженная. Волосы

черные-черные – наверное, крашенная. Потому что совсем белотелая: был теплый июнь, и она была в недлинном темно-фиолетовом платье без рукавов, но в непременных колготках и лаковых туфлях. Размер, наверное, тридцать девятый, но ведь и рост метр семьдесят пять самое маленькое. Ноги были сильные, стройные, круглые и тоже матово-блестящие, прямо как зубы. Евгений Сергеевич внутренне пожегся: какая ловкая. Одетая безупречно формально, но выглядит до неприличия соблазнительно.

– Я хотела с вами поговорить, – сказала она.

– Я вас слушаю, – вздохнул он.

– Вы к метро?

– Я к метро.

Она рассказала, что занимается Швецией. Конкретно – политическими партиями. Пересказала свою диссертацию. Видно было, что интересуется, неглупая и, наверное, прилежная. Говорит складно. Вероятно, и пишет неплохо. Тем временем дошли до «Пушкинской».

– Ну, успехов, – сказал он.

Они остановились у самой лестницы, которая вела вниз.

– Евгений Сергеевич, – заговорила она, глядя ему прямо в глаза, – возьмите меня в соавторы. Пожалуйста! Я хорошо работаю. Правда. Вы не пожалеете!

И она чуть шевельнула пальцем, как будто желая прикоснуться к пуговице его пиджака, но тут же отдернула руку, сжала кулак и опустила взгляд.

Вот тут он все понял.

Он понял, что это Анциферов копает.

В прошлом году Евгений Сергеевич зарубил членкорство Грибоварову, над которым Анциферов уже пять лет держит руки домиком. И вот теперь – такая изощренная месть. Вернее, месть простая и эффективная. «Мы не будем интриговать, чтоб тебя уволили, не будем рубить твоих аспирантов-докторантов, это мелко и глупо! – Евгений Сергеевич словно бы залез в голову Анциферова и слышал его мысли. – Ты трахнешь мою соискательницу за публикацию статьи в своем журнале. Даже не трахнешь, а просто полезешь обнимать-целовать. Этого хватит. А мы тебя выполощем в дерьме на всю страну и на зарубеж тоже. Смотри, какая девочка! Ну, вперед! Пиль!»

– Хорошо, – сказал Евгений Сергеевич. – Давайте отбросим всю странность ситуации и рассмотрим дело по существу. Вы специалист по шведской политике, а я – по итальянской, испанской и отчасти греческой. По средиземноморской. Так? Так. Вы по своим интересам, можно сказать, северянка, а я – южанин. «О, Север есть Север, а Юг есть Юг, и вместе им не сойтись». Вот такой, извините, Киплинг.

– Но вы же вели семинары по общим проблемам политологии! – Она не отставала.

– Нет, нет, нет. – Он оперся рукой о парапет подземного перехода. – Что я могу об этом написать?

– Я уже все написала, – сказала она.

– Господи! – Он отнял руку от полированного гранита, отряхнул ладонь. Получилось демонстративно брезгливо. – Вы что? Чтоб я подписал чужую работу? И напечатал ее в своем журнале? Вам что, к защите срочно нужна публикация?

Она молча кивнула.

– Хорошо, – согласился он. – Покажите мне вашу статью. Я подумаю. Пришлите на мой мейл. – И протянул ей визитку.

– Я лучше ее привезу в бумаге, – сказала она, глядя ему в глаза. – Домой. Можно?

– Отчего ж нельзя? – сказал он.

* * *

Ему было даже весело.

За минуту до ее прихода он приспособил свой айфон на книжной полке и включил видеозапись.

Она была одета все в том же убийственном стиле: так строго, что ни к чему не придерешься, но любой мужик с ума бы сошел.

Евгений Сергеевич поставил на журнальный столик кофе и конфеты.

Она протянула ему распечатанную статью.

– Я прямо сразу прочитаю, – сказал он.

Она сидела на стуле и чинно пила кофе маленькими глоточками. От конфет отказалась. У нее был потрясающе красивый рот. Шея, впрочем, тоже. Руки – обалдеть; ах, эти бы руки да сплелись у меня за спиной...

– Ну что ж! – кивнул Евгений Сергеевич, переворачивая последнюю, двенадцатую страницу. – Что тут скажешь... Если не трудно, подайте мне ручку, вон, видите, на столе.

Она встала, прошла к столу. Он полюбовался ее фигурой сзади. Взял у нее авторучку, написал на первой странице: «Алла Николаевна! В ред. подг.! Для № 4». Поставил дату и расписался.

– Держите, – сказал он. – Берем. Но выйдет не раньше октября. Отвезите в редакцию, отдайте Артемьевой Алле. Кофе допили? Нет? Давайте, доглатывайте. Конфетку на дорожку, а? У меня еще масса дел, простите, я бы с удовольствием с вами побеседовал, но увы.

Он встал со стула.

– Спасибо. – Она протянула ему руку.

– Спасибо, говорите? Да не за что. Вам спасибо! Нам нужны хорошие статьи. Мы рады новому автору. Успехов!

Он покосился в айфон, который стоял ну прямо напоказ на полке.

Кажется, она ничего не заметила.

Он сохранил видео на Яндекс. Диске и представил себе рожу Анциферова. Хотел ему послать ссылочку, но решил

погодить.

В октябре, когда вышел журнал, Лена Востроухова позвонила и сказала, что хочет прийти и поблагодарить его.

– Букет принесете? – фыркнул он. – Или коньяк? Не вальтайте дурака.

Потом она пригласила его на защиту.

Он, разумеется, не пришел.

* * *

– Вот ведь дура! – засмеялся Евгений Сергеевич, сидя за столом в своем кабинете.

Захотел позвонить Анциферову, сказать: «Давай вместе посмеемся!» – но вспомнил, что тот умер два года назад. Да если был бы жив, то не вспомнил бы, наверное. Кстати, Грибобаров так и не прошел в членкоры, и это, по большому счету, правильно.

* * *

А потом он встретил ее в Швеции, в Упсале. Опять на конференции.

– О! – сказал он. – «Ухо остро!» Госпожа Востроухова, если я не ошибаюсь?

– Востроухова-Линдеман, – ответила она.

– Вышли замуж в Швецию?

– Как видите, Евгений Сергеевич.

– Ну и как жизнь?

Они присели за столик; разговор шел на кофе-брейке.

– Нормально, – сказала она. – Муж – программист. Двое детей. Я доцент на кафедре политической теории.

– Прекрасно. – Евгений Сергеевич прижал руку к сердцу.

– Как я за вас рад! Мне тогда так понравилась ваша статья!

– Правда? – обрадовалась она.

– Не совсем, – вдруг усмехнулся он. – Находясь за границей, позволю себе быть честным. Статья неплохая, публикабельная, но я взял ее не поэтому. Вы же знаете почему.

– Почему? – спросила она.

– Потому что эта вражина Анциферов решил через вас меня спровоцировать. На харассмент, или как это. Чтоб потом меня вывалить в дерьме перед всем миром. Впрочем, Анциферов, царствие небесное, имел право мне мстить. Я ему в свое время сильно жизнь попортил. Но вы, такая умная и красивая... Зачем вы на это согласились?

– Я думала, что вы благородный рыцарь, – сказала она после некоторой паузы. – А вы оказались какой-то странный параноик. Господи, как печально. Но теперь уже неважно. Я все равно вас не разлюблю, вы не думайте.

– Что? – воскликнул Евгений Сергеевич и вскочил со стула, опрокинув картонный стаканчик кофе со сливками; все полилось по столу прямо на нее; она отодвинула свои пре-

красные ноги, и бежевая струйка потекла на пол.

– Да так, ничего, – вздохнула Лена Востроухова- Линдеман, подняв на него свои черные глаза, улыбнувшись и показав матово-белые зубы. – Знайте же, мой дорогой, что я полюбила вас еще на третьем курсе и люблю до сих пор.

– Какая же ты дура! – закричал он.

Так громко, что проходивший мимо уборщик-пакистанец вздрогнул и обернулся, увидел пролитый кофе, подбежал к ним и стал вытирать лужу экологической веревочной шваброй.

Звери

пятнадцать километров в сторону от шоссе

Тамара и Никита поехали раздавать гуманитарную помощь беженцам. Помощь была расфасована в одинаковые картонные коробки. Коробок было пятьдесят шесть, точно по числу беженцев, которых временно поселили в бывшем пионерлагере «Валентина», сто километров от Москвы. Тогда эти лагеря еще не снесли и не понастроили на их месте коттеджных поселков или просто вилл для богатых. Был, кажется, девяностый год. Апрель. Воскресенье. Одиннадцать часов.

Тамара была штатной сотрудницей российско- немецкого фонда «Гуманус», а Никита – членом общественного совета. Тамара была за рулем. Она быстро и ловко вела небольшой фургончик, иногда посматривая на бумажную, вытертую на сгибах карту – никаких навигаторов тогда еще не было. Никита сидел рядом, глядел на поля, уже совсем обтаявшие, покрытые нежно-коричневой прошлогодней стернёй. Было скучно. Он зевал и переводил взгляд на Тамару: ей, наверное, было под тридцать или чуть больше, но все равно моложе него – ему-то было без двух месяцев сорок. Она была

в жилете со множеством карманов, в туговатой юбке камуфляжной расцветки, в тяжелых ботинках и шерстяных носках, скатанных книзу. Ноги были голые, потому что было не холодно, даже почти тепло.

Съехали с большого шоссе на узкую асфальтовую дорогу.

– Еще пятнадцать верст, – сказала Тамара.

– Значит, полчаса?

– Примерно... – кивнула она и добавила: – Их специально в чертовой жопе селят, до электрички четыре часа пешком пилить, а автобус давно не ходит.

– Специально?

– Ну да. *Чтоб не расползлись.*

Никита внутренне поежился, услышав такое презрительное к людям слово, но виду не подал, лишь спросил, как же они поступают, если что-то вдруг случится.

– Есть машина у начальника лагеря. Скорую можно по радиции вызвать. Пожарных и ментов. И полевая кухня приезжает каждый день. Так что не кисни, Никита Николаевич. Все гуманно, высший сорт! Ничего, что я на «ты»?

То есть она поняла, что он тайком возмутился. Какая чуткая, страшное дело.

Ответил:

– Да, конечно, давай на «ты».

Приехали.

Там было два дощатых спальных корпуса и что-то вроде клуба со столовой. Тамара поставила машину около крыльца. Посигналила.

Подбежали человек пять, мужчины и женщины.

– Где начальник? – Тамара вылезла из кабины.

– В Егорьевск уехал, – ответил пожилой мужик. – Сказал, в обед будет.

– Ладно, – кивнула она. – Обойдемся. Собирайте народ!

– И посигналила еще раз, долго и пронзительно.

Никита тоже вышел из кабины, огляделся. Тоскливый вид, однако: пустое поле, вдали тощий лесок, разбитая дорога.

Люди из спальных корпусов шли, почти бежали к машине. Когда они собрались, Тамара открыла заднюю дверцу фургона.

– Внимание! – сказала она. – Мы приехали от гуманитарного фонда. Привезли вам помощь. Посылки, типа. В каждой посылке рис, сахар, масло, конфеты, печенье, халва, джем. – Она загибала пальцы. – Мыло. Тушенка. Еще зубная паста. Вроде всё. На каждого человека по одной посылке. Есть парни поздоровей, чтоб мне самой коробки не таскать?

Выдвинулось двое мужчин лет сорока. Подошла еще одна крепкая тетка.

– Под расписку выдаете? – спросила она.

– Нет, – сказала Тамара. – Всё на доверии. Ну, понеслась... Эй! Ты чего творишь? А ну отдай! – закричала она.

Потому что эта тетка, подождав чуточку, вдруг схватила сразу две посылки и побежала к отдаленному корпусу.

– Стой! Отдавай! – кричала Тамара ей вслед.

– Она вообще-то с дочкой, – сказал какой-то мужик.

– Тогда ладно, – успокоилась Тамара.

– Ай-ай-ай, да не очень ладно! – распевно сказал другой мужик. – Дочка уже хватанула! Вон они бегут, вон!

Да, две женские фигуры бежали по размокшей тропинке, тащили коробки.

– Суки! – заорала Тамара и побежала за ними.

Никита вдруг испугался за нее и побежал следом.

Вбежал в корпус, по коридору двинулся на крики, распахнул дверь комнаты и увидел, как мать и дочь лежат на полу, не позволяя Тамаре залезть под кровать и вытащить лишнюю посылку.

Тамара встала с четверенок, начала яростно объяснять, что ей самой не жалко, но кто-то из беженцев, «из ваших соседей, из ваших товарищей, ясно вам?!», останется без передачи. Без сахара, печенья и варенья. «Не стыдно?!» Мать и дочь, не вставая с пола, заслоняя телами подкроватное пространство, молчали. У них дрожали губы и, казалось, слюна падала с зубов. Или это ему только показалось?

– Звери! – прошипела Тамара, плюнула и вышла вон.

Вернулись к фургону.

Он уже был пуст.

– Самообслуживание, блин, – сказала Тамара. – Ну, ка-
жись, поехали домой.

Захлопнула заднюю дверцу фургона, открыла кабину.

– А наша помощь где? – раздалось сзади.

Подошли еще человек пятнадцать.

– Уже, – сказала Тамара.

– Как это «уже»! – завозмущались люди. – Где наши по-
сылки? Опять обман?

– Внимание, – железным голосом сказала Тамара. – Мы
привезли сюда пятьдесят шесть коробок. Ровно по числу
проживающих в данном пункте временного размещения.
Вот накладная. – Вытащила из кармана бумагу, развернула,
потыкала пальцем в цифры прямо перед носом самого стар-
шего мужчины, смуглого, седого и тощего.

Тот моргал, поправлял очки.

– Увидели? Поняли? Еще кто хочет посмотреть? Нет? –
Она спрятала накладную обратно в карман, застегнула его на
молнию. – А что ваши соседи всё разокрали в две минуты –
так вы сами с ними разбирайтесь.

– Под расписку надо было выдавать! – крикнули сзади. –
Стеречь было надо!

– Так я, значит, и виновата? – возмутилась Тамара.

– Где наши посылки? Отдайте наши посылки! Жулики
московские! Отдайте, хуже будет!

Люди обступили машину. Никите стало чуточку страшно – а вдруг они их не выпустят, устроят самосуд, черт знает. «Несчастные, отчаявшиеся люди, – думал он. – От таких можно всего ожидать. Вплоть до».

– Стоп! – Тамара снова отперла заднюю дверцу фургона. – Смотрите! Все пусто. Ничего нет. Всё ваши дружки-приятели разокрали. Ну, – наступала она, – чего смотрите?

– Нам жрать нечего! – крикнула женщина.

– На! – закричала Тамара, выхватила из кармана выкидной нож; щелкнуло лезвие. – На! – Тамара протянула этой женщине нож и свою левую руку: – Отрежь кусок, зажарь и сожри! Больше у меня ничего нету!

Женщина зарыдала. Старики оттащили ее. Тамара спрятала нож. Люди стали медленно расходиться.

* * *

– Звери, – вздыхала Тамара, гоня машину по шоссе. – Чистые звери. У своих крадут.

– Это несчастные люди! – Никита в ответ качал головой. – Ты хоть представляешь себе, чего они натерпелись? Полный обвал и впереди ничего. Никаких перспектив. Никакого будущего. Совсем. Это же страшно! Я не могу их ругать и осуждать. Вот честно, не могу.

– Звери, звери, – повторяла она. – Я к этим бабам присмотрелась, которые лишнюю посылку сперли. Обе беремен-

ные. На шестом примерно месяце, точно говорю.

– Ну и что?

– А то, что они здесь уже больше года торчат. Они уже здесь между собой перетрахались. Погоди, они еще размножаться начнут. Уссаться.

– А ты злая, – сказал Никита.

– Зато ты добрый. Минус на плюс, в результате нолик.

Небо потемнело. Сверкнуло, загрохотало. Они въехали в ливень.

– Люблю грозу в конце апреля, когда весенний что-то там! – засмеялась Тамара. – Стоп. Смотри, прямо завеса водяная. Я не могу вести. Я ничего не вижу. Постоим?

– Постоим.

Тамара съехала на обочину, заглушила двигатель.

– Радио включить?

– Не надо, – сказал Никита. – Давай послушаем дождь.

Дождь и в самом деле на разные голоса тарабанил по капоту, по крыше, по стеклу. Дворники попискивали, не справляясь со струями воды.

– Послушаем дождь, – тихо повторила Тамара. – Кап-кап, трын-трын. Какой ты лирический. И добрый. Наверное, из богатой семьи? – Она выключила дворники, и в кабине стало еще темнее.

– Ну, так, – пожал плечами Никита. – Более-менее обеспеченные. Папа – доцент. Мама – просто старший преподаватель.

– Тю! – сказала Тамара. – У меня покойный папа был профессор МАИ, а мама была секретарь Фрунзенского райкома партии. По оргработе. А я вот получилась злая. Поцелуй меня за это.

Она что-то нажала под его сиденьем, и спинка откинулась назад. Тамара налегла на него сбоку. Они долго целовались, потом она левой рукой стала освобождать его от одежды.

– Ох ты, – лопотала она ему прямо в ухо. – Ох ты какой... Ох, я уже вся мокренькая... Давай я на тебя присяду, м-м?

– М-м... – кивнул он.

Она задрала юбку и что-то сделала со своими трусами – наверное, сдвинула на сторону.

– Вот ты какой... – негромко вскрикивала она. – Ну ты какой...

Никита чувствовал, что ему просто прекрасно, как не было, пожалуй, никогда – из-за какого-то сладкого легкомыслия, до сих пор не испытанного ни разу. Он всегда сдерживался, затягивал время, чтоб женщине подольше было приятно, и следил за собой – а тут он чувствовал беззаботное и безнаказанное удовольствие. Но все-таки спросил, скорее по привычке:

– Можно?

– Давай! – задрожала она и потом застонала: – Ой, как тебя много... Ой, как хорошо...

– Не боишься? – шепнул он.

– *Главное, ты сам не бойся!* – сказала она. – Платок носо-

вой есть?

– Возьми у меня в кармане брюк, мне далеко тянуться.

– Спасибо.

* * *

Но эти слова – «главное, ты сам не бойся!» – Никита не забыл.

Особенно стал помнить после восемнадцатого июня, это был день его рождения, сорок лет, и папа-доцент произносил тост и сказал: «Главное, сынище, ничего не бойся! Понял, что отец говорит? Главное – не бойся!» Кажется, Никита даже покраснел, потому что рядом с ним, во главе стола, сидела его жена Наташа, и она засмеялась, и чокнулась с ним, и сказала: «Вот именно! Слушай папу!»

Потому что жена считала его человеком, мягко говоря, нерешительным.

«Что же она тогда в виду имела? – сотый раз спрашивал себя Никита. – Ну конечно, скорее всего, какую-то обыкновенную ерунду. Типа – не бойся, не залечу. А если залечу, то сама справлюсь. Скорее всего, так. А может быть, в другом смысле? Что захочет – забеременеет и родит? Безо всяких мыслей о будущем? Вот как эти тетки-беженки? Ужас».

В конце июля, после отпуска, он пришел в фонд «Гуманус» получить бумагу о том, что он является членом общественного совета. Якобы это нужно было в отделе кадров его института. Так он объяснил жене.

В коридоре он сразу же наткнулся на Тамару.

Она была в той же самой камуфляжной юбке и в жилете с двадцатью карманами. Только вместо тяжелых шнурованных ботинок на ней были босоножки; виднелись толстые пальцы с короткими некрашеными ногтями.

Но главное – у нее торчал беременный живот. Не сильно, но явственно.

– Привет, Никита Николаевич. – Она спокойно чмокнула его в щеку. – Как дела, как жизнь, как успехи?

– Привет, – сказал он, приобняв ее за плечи. – Ты...

– Что я? – Она немного нарочито подняла брови.

– Ты беременна?

– Нет, что ты! – засмеялась Тамара, хлопая себя по животу. – Пирожков наелась в буфете! С капустой!

– То есть...

– Ты вообще считать умеешь? – Она засмеялась еще громче и стала загибать пальцы. – Май, июнь, сейчас июль! За три месяца такое не нарастает. – Она снова хлопнула себя по животу. – Не тоскуй, Никита Николаевич, все хорошо.

– То есть ты уже была беременна? – Она кивнула. – Ты, наверное, замужем? – Она кивнула снова. – А кто твой муж?

– Ну, все тебе сразу расскажи! – хмыкнула она.

– Ладно, – вздохнул Никита. – Хорошо. Тогда пока.

– Погоди, – сказала Тамара. – Минутку. В воскресенье надо ехать гуманитарку раздавать. Лагерь под Шатурой. Отъезд отсюда в девять ноль-ноль. Я тебя запишу к себе в пару?

– Конечно, – сказал он. – Обязательно.

Наследство

всё или ничего

Андрей Сергеевич Лигнер пришел к Ане Бояркиной, своей старой знакомой. Да чего уж тут скрывать и играть словами – к своей давней любовнице. Они были вместе уже лет восемь, наверное, и у нее в ванной всегда висело для него чистое полотенце и лежало особое мыло без запаха. Даже бритвенный станочек стоял на полке, рядом с пенкой для бритья, хотя этой благодатью он ни разу не воспользовался, потому что ни разу не оставался у нее ночевать – даже когда жена уезжала в отпуск и оставляла его в Москве одного.

Позвонил и пришел, вот прямо так, в субботу среди белого дня. Ей это было удивительно, потому что все восемь лет он приходил к ней в будни, вечерами, после работы: его институт был, как нынче говорят, в шаговой доступности от ее дома – хотя правильно будет «в пешей». Приходил ненадолго, на часок. Самое длинное часа на два-три – это в те разы, когда жена была в отъезде. Но все равно часам к девяти начинал клевать носом и говорил, смущенно улыбаясь: «Я, Анечка, пожалуй, домой». А чтобы вот так, днем, да еще в выходной, – первый раз.

Он в который раз оглядывал чистую и милую комнату Ани. Единственная комната в однокомнатной квартире. Письменный стол у окна, шкаф книжный, шкаф одежный, какой-то еще комод и журнальный столик. Диван, на котором он сидел, раскладывался для сна. Ну и для любви тоже, понятное дело.

Аня сидела за письменным столом спиной к нему и внимательно читала – может быть, уже даже перечитывала – письмо, которое он ей принес.

А он думал о своем отце.

* * *

Отец его, профессор Сергей Михайлович Лигнер, был довольно известным химиком, членкором Академии наук. Заведовал кафедрой. Возглавлял лабораторию. Когда-то, в конце шестидесятых, даже делал что-то секретное, за что получил орден Ленина и Госпремию. Открыл метод Лигнера и реакцию Лигнера. Андрей Сергеевич в этом не разбирался, он был совсем по другой части – историк и социолог.

От отца ему досталась небольшая квартира в старом доме на улице Образцова и целая стена книг по химии, с которыми было непонятно что делать, – вот и все. Отец был человеком хорошим, но безалаберным. Это Андрею Сергеевичу объяснила жена. «Твой отец не смог капитализировать свой талант! Другие люди с такими достижениями имели от госу-

дарства все!» – она даже глазами сверкнула. Но она уважала память покойного свекра и всегда сама вспоминала, что надо пойти на кладбище, убрать листочки, посадить цветочки. Могила была на Введенском кладбище. Там же лежала и мама, она умерла сравнительно недавно, а сам профессор Лигнер скончался тридцать восемь назад, когда сыну было всего двенадцать.

Иногда Андрею Сергеевичу казалось, что именно жена научила его ценить отца. Хотя она его никогда в глаза не видела. Ценить не только на словах, а делами: добиться, чтоб повесили мемориальную доску на институте, где он заведовал кафедрой; устроить там ежегодные «Лигнеровские чтения»; издать избранные труды с подробной биографией; поставить на могиле солидный красивый памятник взамен тоненькой серой стелы с блеклыми буквами. Шаг за шагом покойный профессор Лигнер стал занимать все большее и большее место в жизни и в мыслях его сына. Сейчас Андрей Сергеевич собирал воспоминания об отце, встречался с престарелыми академиками, дряхлыми министрами и бывшими отцовскими учениками.

И вдруг вот это письмо, которое сейчас читает Аня Бояркина.

* * *

Письмо было от знаменитого художника Павла Юркеви-

ча, умершего буквально на прошлой неделе в возрасте девяти-десяти шести лет. Андрей помнил это имя – у них дома висели две его картины: портрет матери, она была настоящая красавица, немного похожая на цыганку, с блестящим пробором и розой в руках, и портрет отца, с птичьим профилем, в золотых очках на кончике длинного носа, – он держал в руках пробирку и разглядывал, что там вскипает и оседает. Сочный и яркий социалистический импрессионизм, признанным классиком которого был Юркевич. Они какое-то время дружили семьями. Портрет был написан в том самом году, когда родился Андрей. Мама даже говорила ему: «На этом портрете ты тоже есть!» Во чреве. В круглом, задрапированном лиловыми шелками животике мамы.

Так вот, друзья. Покойный Павел Данилович Юркевич писал... Ах, да что я говорю! Когда он писал, он был еще живой, он велел передать это письмо после его смерти! Так вот. Он писал, что Андрей Сергеевич на самом деле – его сын. Он грустно описывал свою любовь и свое расставание с мамой Андрея Сергеевича, прилагал анализ ДНК на отдельном бланке и заявлял, что хотел бы видеть Андрея Сергеевича своим наследником. Добавив при этом, что вовсе не настаивает, чтоб Андрей Сергеевич Лигнер превратился в Андрея Павловича Юркевича, хотя это, конечно, было бы очень приятно.

Аня Бояркина дочитала, спросила:

– Оно тебе прямо вот по почте пришло?

– Нет, нотариус передал. Позвонил, назначил встречу и отдал из рук в руки.

– Угу. Ну и какая там наследственная масса?

– Господи! – Андрей Сергеевич поморщился. – Ты прямо как Лариса! Она тоже сразу про массу... Ну извини, извини.

Аня вспыхнула и резко выдохнула: безмолвный крик гнева. У них было принято не говорить о жене Андрея Михайловича; он тоже не расспрашивал Аню о ее бывшем муже и ничего о нем не знал. Был и сплыл.

– Прости меня. – Он встал с дивана, подошел к ней, нагнулся, обнял сзади, поцеловал в макушку. – Прости, я очень волнуюсь, сама понимаешь.

– Понимаю, – чуть суховато сказала она, но потом поймала его руку и прижала к щеке. Значит, простила.

– Да, так насчет массы. – Андрей Сергеевич выпрямился. – Масса хорошая, нотариус объяснил. Квартира на Масловке, в смысле, на Петровско-Разумовском. Огромная мастерская там же, в соседнем доме. Дача на Николиной Горе и еще домик под Рязанью. Картины, это главное. Его собственные прежде всего. Плюс Фальк, Осмеркин, Пименов, Крымов, Корин, Кончаловский и куча народу попроще. На-

верное, еще вклады.

– Другие наследники есть? – спросила Аня.

– Какие-то мелкие. – Он снова сел на диван. – Сомнительные. Внуки незаконных детей. Эти так называемые дети давно перемерли, а вот внуки вроде бы есть. Но пусть еще докажут, что это были на самом деле его дети. Законных не было, точно.

– Слушай, – сказала она. – Я ничего не понимаю. Если ты его сын и он хочет видеть тебя наследником, почему он просто не написал завещание?

«Черт, – подумал Андрей Сергеевич. – Лариса задавала точно такие же вопросы. В той же последовательности. Как будто сговорились. Боже. Все женщины одинаковы... Да при чем тут женщины! Все люди одинаковы!»

Поэтому он ответил точно так же, как Ларисе:

– Да откуда я знаю? Как я могу влезть в голову почти столетнему старику?

– А как ты думаешь? Как предполагаешь?

«Господи! Слово в слово как Лариса!» – чуть не заплакал он.

– Не знаю! – почти выкрикнул он. – А ты? Ты сама что думаешь?

– Я думаю, – сказала Аня, – что тут примерно так. Понимаешь, если бы он оставил завещание, то вышло бы, как будто он тебе это навязал. Свое отцовство и твое сыновство. Ты мог взять и все признать. Здравствуй, папа! Или отказаться.

Тоже поступок. Типа, «знать вас, дедушка, не желаю». А тут он хочет...

– Хотел, – зачем-то перебил Андрей Сергеевич.

– Ну да, да. Хотел, чтобы ты сам принял решение. Чтобы сам подал на наследство. Посудился бы с внуками. Что-то типа того. Чтоб ясно было, что это тебе нужно.

– Кому ясно? – усмехнулся Андрей Сергеевич. – Ему на том свете?

– Не злись. Мне тут все понятно, – сказала она. – Непонятно другое. Почему он сразу не объявился, когда твой папа умер? Почему твоя мама ничего не сказала?

– А вот это как раз отлично понятно мне, – вздохнул он. – Мальчишка, двенадцать лет. Умирает отец, любимый, единственный, вдобавок очень уважаемый. И вдруг по голове поленом: мальчик, это не твой папа. Твой папа – другой дядя. Но у другого дяди свои дела, и он не спешит быстренько жениться на твоей маме. Поэтому получается, что твой папа – мудака, твоя мама – шлюха и дрянь, а ты – ублюдок.

– Зачем ты ругаешься? – Она поморщилась.

– Затем, что я не знаю, что делать.

– Прости, – замялась Аня Бояркина, – но я тебя все-таки спрошу: а что Лариса Борисовна говорит?

– Ужасные вещи, – сказал он.

Лариса сказала, что думать тут не о чем. Только последний идиот может размышлять и сомневаться. Конечно, внуки Юркевича будут бодаться. Но ничего, мы их забодаем. ДНК надо сразу взять, его небыстро делают. Впрочем, у нас полгода сроку. Все мамины письма и дневники пословно шерстить. Папины тоже, вдруг там какие-то упреки. Игра стоит свеч. Смотри, сколько там всего. Даже если внукам чего-то удастся отгрызть, даже если мы им по доброте душевной – эх! она уже говорила «мы»! – мы им что-нибудь отдадим, то все равно огромный капитал. Да за одну картинку Фалька или Пименова можно купить квартиру в Риге плюс домик в Юрмале. Вместе с вэ-эн-же. И горя не знать! Сашке с Маринкой по квартире. Вернее, Сашке квартиру купить, Маринке нашу отдать, а самим переехать на Петровско-Разумовский. Плохо тебе? Давай, нанимай адвоката.

– А если я у него не один такой? – возразил Андрей Сергеевич. – А если он таких писем разослал, не знаю, три? Или пять?

– Но ведь же не десять? – парировала Лариса. – А хоть бы и двадцать! Если там одних картин на десять миллионов баксов, судя по списку, то одна двадцатая – это полмиллиона. Причем долларов. Тоже не валяется. Нанимай адвоката. Действуй.

– А потом позовут в ток-шоу Малахова, – грустно предположил Андрей Сергеевич.

– А ты не ходи, – сказала Лариса. – Силой не потащат. Или пойди за миллион. Правда, рублей. Но тоже неплохо.

* * *

Он это коротко пересказал Ане Бояркиной.

– А ведь она права, – проговорила Аня.

– Нет! – заорал Андрей Сергеевич. – Она забыла про моего папу! Я не знаю, кто там на самом деле оплодотворял мою маму, но мой отец – Сергей Михайлович Лигнер! Я его люблю, я его память берегу, я с этим прожил уже пятьдесят два года. Ну стыдно же в моем возрасте менять отца. Я не Юркевич, я Лигнер. Точка.

– погоди. – Аня взяла письмо, провела пальцем по нужной строке. – Он же не требует, чтоб ты поменял фамилию и отчество. Это же всего лишь наследство.

– Это совесть моя потребует! Если получаешь такие миллионы... Понимаешь, если это просто от чужого дяди, вот жил я себе, а у меня вдруг дядя в Америке помер... Это другое дело. А когда получаешь такие миллионы от своего отца, то тут уж извините. Тут уж я должен стать Андреем Павловичем Юркевичем, иначе я буду полное дерьмо. Предам Юркевича, который меня так одарил. Но если я все-таки стану Юркевичем, то я предам Лигнера, своего отца. Этот отец

и тот отец, черт-те что.

– Ты как-то чересчур все возгоняешь на невероятные моральные высоты, – улыбнулась Аня. – Но я тебя понимаю.

– Ну и что ты мне предлагаешь делать?

– Я тебе ничего не предлагаю и не советую, – тихо и очень серьезно сказала она. – Я тебе объясняю. Ты истратишь на этот процесс лет пять или восемь, я тебе как юрист говорю. Почти уверена, там есть другие незаконные и полузаконные дети, есть пяток завещаний и обещаний. Если выиграешь, то не так много. А даже если много? Даже если очень много, даже если всех забодаешь и все загребешь себе? Разве ради денег, пусть даже ради миллионов, стоит тратить лучшие последние годы жизни? Да, да, последние! Прости, но пятьдесят два года – это уже очень много в смысле бросать годы на ветер. Не надо. Откажись. Не подавай на наследство. Живи для себя, а не для картинки Фалька, не для квартиры в Риге!

– Какая ты у меня умная и хорошая! – Он снова встал с дивана и снова обнял ее. – Просто сокровище. Теперь таких не делают. Обожаю тебя. Легко сказать «откажись». Лариса меня убьет.

– Если убьет не до смерти, то переезжай ко мне, – сказала Аня. – Мне не нужны никакие наследства никакого Юркевича. Мне вообще ничего не нужно. Отдай Ларисе Борисовне и детям все и приезжай. Справимся. Проживем. Я крепкая, и ты тоже ничего.

Андрей Сергеевич Лигнер шел пешком через весь город и думал: «Какой я дурак. Есть простое и прекрасное решение: уйти от Ларисы и подать на наследство. Выиграю – обеспечу всех: себя и Аню, Ларису и детей. Проиграю или выиграю совсем мало – буду жить с Аней в этой чудесной крохотной квартире. Соберу воспоминания об отце, издам книгу. Докторскую допишу, наконец... Всё. Точка».

– Где ты был до половины одиннадцатого? – спросила Лариса.

– У юриста, – спокойно ответил Андрей Сергеевич, потому что это была правда: Аня работала в юридической фирме. – Ты же мне сказала: «Действуй, нанимай адвоката», – вот я и действую, нанимаю.

Для убедительности он вытащил из портфеля прозрачную папку с письмом Юркевича и запиской от нотариуса.

– И что юрист?

Андрей Сергеевич, на всякий случай не снимая пиджака и ботинок, прошел в комнату, готовясь сообщить Ларисе свое решение развестись с ней.

Он решил, что будет подло и неблагородно сначала подавать на наследство, а потом на развод. Лариса начнет собирать бумаги, помогать ему – и вдруг бабах! Так нельзя.

Развод сначала, бой за наследство Юркевича – потом.

Он уселся на диван – точно так же, как сегодня в Аниной квартире, уверенно закинув ногу на ногу, качая ногой в новом узком ботинке, – с той лишь разницей, что у Ани была икеевская раскладушка, а у него дома – отцовский, а на самом деле дедовский настоящий чиппендейл.

– И что юрист? – повторила Лариса, сев на стул напротив.

Он посмотрел на Ларису даже с некоторой жалостью и вдруг сказал:

– Подавать на наследство я не буду.

– А?

– Бэ! – Он повысил голос. – Это мое решение. Всё. Точка.

И предупреждаю: еще раз пискнешь про Юркевича, про всю эту дурь, я немедленно, ты слышишь, немедленно уйду из дому! Дети выросли. Квартира останется тебе. Всё поняла?

– С ума сошел! – Лариса вдруг заплакала, бросилась к нему на диван, села рядом, обняла его. – Да провались он! Да ну его к черту!

Андрей Сергеевич обнял Ларису, поднял к себе ее лицо, увидел каждую ее морщинку, родинку и волосинку.

Поцеловал ее, встал и пошел в прихожую.

– Ты куда? – спросила она.

– Ботинки снять забыл.

Конкуренция

никто не обещал, что будет легко

Даша Гронцман, в девичестве Ласточкина, была замужем за Ромой Гронцманом. Он был начальником управления по связям с государственными и правительственными организациями в ЕТЭК, Евразийской транспортно-энергетической корпорации. То есть он был топ-менеджером крупнейшей компании, и Даше это очень нравилось. Особенно то, что он так быстро сделал карьеру: сейчас ему было всего тридцать два года, а ей – двадцать семь. Сам Рома ей тоже нравился, он был светловолосый и сероглазый, очень высокий и худой, даже хрупкий, тонкопалый, всегда чуточку удивленное лицо с прозрачной голубоватой кожей. На одну четверть немец, по отцу. Отсюда и фамилия. Даша в него влюбилась сразу и насмерть, как только увидела. Он тогда был совсем почти никто, а она – просто выпускница «Вышки». И вот всего за пять лет – такой потрясающий взлет. Новая квартира, новая машина, коттедж в поселке «Мичиган». Даша, кстати говоря, вовсе не была бездельницей, светской дамочкой, любительницей фитнеса и модных ресторанов. Она преподавала в той же «Вышке» русскую литературу XX века, защитила

кандидатскую и вообще была умная и знающая, настоящая современная женщина.

Она сильно украшала собою Рому, потому что была и вправду очень красива, похожа на итальянку со старинных картин: прямой нос с легкой горбинкой, большие глаза, гладко зачесанные назад слегка рыжеватые волосы и еще отличная фигура.

Рома ее обожал. Бывало, ночью, после сильной и сладкой любви, когда она лежала, раскинувшись на подушках, и отдыхала, он, нагнувшись над нею и покрывая мелкими нежными поцелуями ее шею и грудь, шептал:

– Ты не уйдешь от меня? Ты не бросишь меня?

– Милый, милый, какой ты смешной, я ведь люблю тебя,

– шептала она в ответ, прикрыв глаза и вспоминая Алика.

Альберта Ханифатова.

* * *

Да, у нее уже два года был любовник.

Он тоже работал в ЕТЭК и тоже был топ-менеджером, начальником Первого технического управления (трубопроводы). Он был старше Ромы, но ненамного, года на три. Небольшого роста – может быть, на полсантиметра ниже Даши, – но зато широкоплечий, мускулистый, черноглазый, темноволосый и смуглый. Даша в него влюбилась по контрасту с Ромой. Он был соседом по дачному поселку «Ми-

чиган» – прямо через забор; познакомились, когда цветы поливали, она и он. Кстати, отличный любовник. Рома по работе часто ездил то в Минск, то в Астану – вот они с Аликом встречались то у него на даче, то в Москве, но только у него. Водить любовника к себе домой, когда муж в отъезде, – это фу! Тем более что Алик был давно в разводе и жил один.

Алик очень любил Дашу и все время звал ее замуж. Даша целовала его и говорила: «О, милый, как мне с тобой хорошо!» – но не давала конкретного ответа. Тогда Алик вздыхал и говорил: «Ну конечно, что я тебе могу дать такого-этакого? У нас с твоим мужем зарплата одинаковая, и даже дачи по одному типовому проекту! Кто он и кто я, – усмехался он, имея в виду свое азиатское происхождение. – Он – белый мужчина, настоящий ариец! А я – бедный кули!»

Алик был очень умный и тонкий, полный остроумия и самоиронии, несмотря на свою мускулатуру и волосатую грудь, и Даша за это его особенно ценила. Но выбор сделать не могла.

* * *

Однажды Рома рассказал ей, что в октябре будет большое общее собрание акционеров и что Василий Захарович Санкин, уже третий четырехлетний срок отсидевший первым вице-президентом, уходит на пенсию.

– И что? – спросила Даша.

– Да вот ходит слушок, – сказал Рома, слегка смутившись, – что тут есть некоторый шанс для меня лично... Хотя я не рвусь, конечно...

– Почему это «не рвусь»? – подняла брови Даша. – Ты что, недостойн? Ты что, не потянешь? У тебя что, мало друзей в совете директоров? Если есть шанс, его надо использовать на всю катушку! – Она встала с дивана и обняла Рому. – Я в тебя верю! Вперед!

– Достойн-то достоин, – махнул рукой Рома, – и свои люди есть, можно задействовать... Но есть кто-то подостойнее.

– Ну кто?

– Наш сосед, господин Ханифатов Альберт Рауфович. Первое техническое. Трубы.

– Он что, лучше тебя? – засмеялась Даша.

– Гораздо! – хохотнул в ответ Рома. – Нет, он, конечно, профи высшего сорта и мужик, как говорят, неплохой, незлой и такой, как бы сказать, кооперэйтив. Но не в том дело. Дядя его – главный акционер одной серьезной нефтяной компании. Так что вот.

Даша это прекрасно знала, но сказала:

– Все равно надо бороться. – И повторила: – Я в тебя верю.

– А ты меня не бросишь, если меня не выберут первым вице?

– Дурачок. – Она обняла его еще крепче. – Я так тебя люблю...

Через три дня Рома улетел в Ереван, а оттуда в Ташкент.

– Выборы-шмыборы, – грустно сказал Алик Ханифатов. – Все говорят, что у меня есть серьезный шанс заменить Василия нашего Захарыча. Первое техуправление – ведь это, по сути, и есть вся наша фирма. Кстати, Захарыч стал первым вице после того, как пять лет *оттрубил на трубах*. – И поглядел на Дашу, оценила ли она его каламбур.

Даша обняла его правой рукой за шею, поцеловала в щеку и засмеялась.

Правой рукой – потому что она лежала, положив голову на его правое плечо. В комнате был полумрак – тяжелые шторы задвинуты, а так-то было три часа дня.

– Ну, так за чем же дело стало? – спросила она, ласкаясь.

Алик необидно высвободился из ее объятий, чуть отодвинулся.

– У меня серьезный конкурент есть. Твой супруг, ты уж извини.

– Нет, это ты извини! – сказала она. – Он же всего-навсего джи-арщик. Нет, я его, конечно, очень уважаю, – продолжила она, тоже чуть-чуть отодвинувшись, и подумала: «Не хватало еще, чтоб я своего мужа ругала, лежа в постели любовника, это уж точно фу!» И повторила: – Да, милый, он мне ничего плохого не сделал, только хорошее, я его уважаю,

но посмотри на вещи реально: джи-ар и Первое техническое. Это несравнимо!

– Не знаю, – сказал Алик. – Я другое знаю. Ты в курсе, кто у мужа твоего двоюродный дедушка? Он же немец, твой муж!

– На одну четвертую, – отозвалась Даша. – Не знаю никакого дедушки.

– Скромный, значит, – сказал Алик. – Это хорошо. Не хвастался? Уважаю. Так вот, его двоюродный дедушка, херр, извини за выражение, Вальтер Гронцман, – директор ЕТЭА при ЕК. Европейской транспортно-энергетической ассоциации при Еврокомиссии. Это сильно повышает шансы твоего супруга.

– Все равно я верю в тебя! – сказала Даша. – Не опускай руки.

– Хорошо, не буду, – согласился Алик. – А вот сделают меня первым вице, ты тогда с ним разведешься и ко мне уйдешь?

– Как ты можешь так рассуждать? – возмутилась Даша. – Кем ты меня считаешь? А ну извинись!

– А если ничего не получится, ты от меня навсегда уйдешь, – словно бы не слыша ее, продолжал Алик. – Но я не умру от тоски. Потому что эти два года, что мы были вместе, это будет негасимый огонь воспоминаний, который согреет мою жизнь до старости и смерти.

Вот ведь как красиво сказал! Даша чуть не расплакалась

и бросилась его обнимать. Но он повернулся к ней спиной и прошептал:

– Извини меня, любимая.

* * *

«Как бы ни повернулись дела, – размышляла Даша в тот самый день, когда в загородном отеле шло большое собрание акционеров ЕТЭК, – что бы там ни получилось, это будет наконец какое-то решение. Вернее, возможность решения.

Неважно, кого назначат, а кого нет. Важно, что они наконец станут разными. Один станет победителем, а другой, как ни крути, проигравшим. Лузером, если по-нашему.

Вот тут мне придется выбирать по-настоящему.

Можно уйти к победителю. Уйти от Ромы к Алику. Или, если Рома победит, остаться с победителем и сказать Алику: “Прости, мой милый, но ты сам намекал на такое развитие ситуации”. Это будет жестко и даже цинично, но очень жизненно.

А можно наоборот! Можно остаться с лузером, то есть с собственным мужем. А победителю, то есть Алику, пожелать успехов. Сказать: “Я мужа на бонусы и опционы не меняю. А у тебя еще все в жизни будет, не одни только воспоминания обо мне!” Или сказать Роме, если он победит: “Я рада, что ты с моей моральной помощью достиг таких высот. С твоими бонусами и опционами к тебе сбегутся лучшие женщины

ны – только выбирай! Будь счастлив! А я пойду к доброму скромному человеку, которого люблю уже два года”. Это будет очень романтично и благородно».

* * *

Даша открыла свой макбук, и тут же ей в глаза бросилась новость:

«Завершилось общее собрание акционеров и заседание совета директоров крупнейшей транспортно- энергетической корпорации».

Кликнула. Вывалились ссылки:

«Изменения в составе руководства ЕТЭК».

Сволочи! Достали своим гребаным кликбейтом! Меньше чем в четыре клика не доберешься до сути!

Ну вот, наконец:

«Корреспондент “Ведомостей” сообщает из отеля “Корона-Плаза”: “На собрании акционеров компании ЕТЭК и ее совете директоров принято решение назначить двух первых вице-президентов. Ими стали Роман Гронцман и Альберт Ханифатов”».

* * *

– Блин! – вслух сказала Даша. – Еще четыре года мучить-

ся.

Хороших сценариев нет

кофе, коньяк, конфеты и пристальный взгляд

Катя шла по коридору и вдруг налетела на Сергея Аполлоновича. На самом деле это он налетел на нее – вышел из-за угла нахмуренный, прижимая айфон к уху.

– Совесть у тебя есть? – говорил он своему собеседнику. – Третий час тебе звоню, ты вне доступа, не знаю, что думать, нет, ты скажи, совесть у тебя есть, я тебя спрашиваю?.. Господи! Ну сколько можно! Купи себе второй аккумулятор, как его там, пауэрбанк, вот. Я уже сколько раз говорил... Ладно. Всё. Пока.

Сергей Аполлонович был генеральный продюсер компании «Карамель», а Катя работала редактором. Точнее, помощником редактора.

* * *

– Именно Аполлонович! – повторил он свое редкостное отчество в тот единственный раз, когда она предстала перед его светлыми очами и они пожали друг другу руки. – Но не Аполлинарьевич! – И засмеялся.

Катя тоже засмеялась, хотя не поняла шутки. Потом ей объяснили: Сергей Аполлинарьевич – это знаменитый советский режиссер Герасимов, именем которого называли ВГИК. Но Катя училась не во ВГИКе, а совсем в другом месте, а сюда пришла, потому что мечтала стать сценаристкой. Она уже раза три проходила курсы и онлайн-мастерские. И даже успела написать две сценарных заявки.

* * *

– Извините, – сказала Катя, влетев в плечо Сергея Аполлоновича.

– Да, да, – сказал он и сощурился, глядя на экран своего айфона.

Катя обогнула его и пошла дальше.

– Постойте, – вдруг окликнул он. Она остановилась, обернулась. – Простите, я забыл...

– Сергей Аполлонович, я Воробьева Екатерина, первая редакция. У Валентины Сергеевны.

– Да, да. Екатерина... а по отчеству?

– Просто Катя.

Ну ведь и в самом деле. Ему полтинник с хвостиком – два года назад отмечали, – а ей двадцать семь.

– Катя! – сказал он. – Выручайте. Не в службу, а в дружбу. Вызовите мне такси, если не трудно. Моя машина с обеда в ремонте. Говорят, есть такой, как это, сервис, да? Яндекс.

Такси, кажется... – Он протянул ей свой айфон. – Вот тут где-то, наверное, должно быть. У всех есть. Должно же быть и у меня?

Катя посмотрела все приложения.

– Нет, Сергей Аполлонович, у вас нет такого. Но можно скачать. Это быстро. Это минут пять займет. И нужен номер вашего мобильного, для верификации. Они вам на него пришлют эсмэску с паролем, мы пароль вобьем, и все.

– Господи, – раздраженно сказал он. – А говорят «цифровая цивилизация», «цифровая цивилизация»! Тьфу! Чем больше удобства, тем все наоборот.

* * *

Катя поняла, что судьба сама идет к ней в руки.

Да, она написала две заявки, но еще никому их не показывала. Ей было стыдно отдать их редакторам. Она представила себе, как коллеги будут разбирать и обсмеивать ее текст – точно так же, как она разбирала и обсмеивала тексты начинающих сценаристов. А тут – генеральный продюсер. Всё в его руках. Он человек со вкусом и опытом. Ее заявки – хорошие, достойные, не хуже других. Лучше других! Кроме того, она сама очень красивая. «Да-да, и не надо ханжества!» – сказала себе Катя.

Поэтому она просто, по-товарищески предложила довезти Сергея Аполлоновича до дому. На своей машине.

Зашла к себе в отдел, накинула плащ и не забыла положить в сумочку обе заявки.

* * *

Ехали долго, стояли в пробках, очень интересно разговаривали. Про кино в том числе и даже про сценарии. Сергей Аполлонович привычно говорил, что со сценариями беда, что хороших сценариев нет и непонятно, откуда их брать. Катя соглашалась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.